

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5935567>

Судьба героинь книг Чарской после Революции

Направленность: Джен

Автор: [Alessa Gillespie](https://ficbook.net/authors/1958340) (<https://ficbook.net/authors/1958340>)

Фэндом: Исторические события, Чарская Лидия «Княжна Джаваха», Чарская Лидия «Люда Влассовская», Чарская Лидия «Сибирочка» (кроссовер)

Рейтинг: PG-13

Жанры: Ангст, Даркфик, POV, Исторические эпохи

Предупреждения: ООС, Насилие

Размер: Мини, 11 страниц

Кол-во частей: 11

Статус: закончен

Описание:

Что же случилось с героинями книг Лидии Чарской после революции? Кем они стали и как сложилась их судьба

Посвящение:

Всем, кто читал упомянутые книги))

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Людмила Власовская	3
Елена Иконина	4
Елизавета Гродская	5
Шура (Мотылёк)	7
Вера/Галья Зараева	8
Лиза (Лизочкино счастье)	9
Надежда Таирова	10
Анна Вербина	11
Нина Израил-заде (Вторая Нина)	12
Ия Басланова	13
Сибирочка	15
Примечание к части	15

Людмила Влассовская

Сейчас мне уже далеко за пятьдесят. Всё кажется таким далёким и нереальным, словно это был лишь сон. Учёба в институте, смерть лучшей подруги, а спустя пару лет — и мамы с братом. Мне тогда казалось, несчастьям не будет конца, и когда я осела на Кавказе, пережив похищение разбойниками, в моей жизни настали покой и безмятежность. Я сроднилась с этими местами, будто родилась вновь, обретя здесь семью.

У судьбы мрачное чувство юмора, и когда ты уверен, что всё позади, когда ничего не ждёшь от жизни, судьба, косо усмехаясь, подсовывает тебе табакерку с фокусом, и стоит только открыть... Февраль, а затем Октябрь паровым катком прошлись по спокойной жизни Кавказа. Опять повылезали из всех щелей разбойники, они вели себя, как псы, спущенные с цепи. Муж уверял меня, что это ненадолго, что большевики не получат поддержки, и что красные обречены. Ага, а вот и получили! И началась война... Люди, окружавшие меня, мигом остервенились — сводили счёты с соседями, врагами, казалось, здесь рождаются с гранатой в пелёнках.

К чести большевиков, скажу, что когда они захватили Север, у нас стало спокойнее. Мы всё гадали: решатся ли идти дальше, на Грузию? Их потрепали в Сибири, в Крыму, солдат косили болезни. А тутошние князьки быстро на чемоданчики сели, помирать-то ох как неохота! Не буду говорить, как тут хозяйничали красные, скажу лишь, что многих моих друзей уже нет в живых. И в моём городе царило насилие. Много человек убили. Жалко их, хорошие люди были, кто-то ведь и пожить не успел толком. Хотя чего таить греха — некоторые заслужили такую участь. Не забуду никогда того комиссара с пышными чёрными усами, который говорил мне:

— Тэбэ повезло — ты прислуга, тэбя нэ тронут.

Я тогда поседела окончательно. Нервы исшатала, не могла уже здесь жить, да и подалась в родную Полтаву. Вот теперь я живу в коммуналке. Я по-прежнему занимаюсь детьми. Лишившись собственных мужа и сына, я стараюсь всю себя без остатка посвятить детям обездоленным. О прошлом я стараюсь и не вспоминать. Всё равно ничего и никого уже не вернуть.

Елена Иконина

10(23) июня 1925 года мне исполнилось тридцать шесть лет. С тех пор, как я закончила гимназию, я решила сама стать «синявкой». Да, так презрительно называли учительниц, а кто-то — классных дам. Я чувствовала неуверенность — как мне приструнить самых шумных? Разве это возможно без жёсткого характера и тяги к взысканиям?

Однако учить детей, к моему удивлению, оказалось легко и приятно. Дети чувствовали, что я к ним со всей душой отношусь, оттого любили меня. С родственниками с тех пор виделись редко. Не дай бог решат ещё, что я к ним на шею присесть хочу. Как-нибудь сама, уж справлюсь.

Год 1917, когда мне было 28, я не забуду никогда — ошалевшие солдаты носятся по Петрограду, палят в воздух и кричат, что царизм пал. Только ленивый тогда не говорил про «свободу». Но чего стоит такая свобода? Цены выросли, народ ещё больше обнищал. Стоило ли дело того? И почему я теперь не удивлена, что вторая революция случилась так скоро?

Вот тут моя жизнь круто изменилась. Когда ты стреляешь в человека, что-то в тебе ломается. Ты мучаешься совестью, не можешь спать ночами, а потом ты просто привыкаешь к тому, что каждый день кто-то умирает. «А, ещё один», — так равнодушно проносилось в моей голове, когда очередной человек умирал от голода, либо был убит. Про меня тогда говорили «У тебя наган к руке прирос». Куда девалась прежде смиренная девочка? Откуда на её месте взялся жестокий и фанатичный комиссар? Пусть и не переплюнула я товарища Землячку, но уж как меня потом сторонились!

Дурная слава обо мне дошла и до Петрограда, переименованного к тому времени в Ленинград. В родных местах старые знакомые от меня шарахались, говорили досужие болтуны «У тебя в кармане семечек меньше, чем она перестреляла людей». Наверное так со всеми, кто почувствует власть над остальными.

И всё же я пыталась вернуться к мирной жизни — устроилась на работу, даже у меня появился любимый человек. Я мечтала, что выйду замуж, рожу детей, начнётся обычная жизнь. Но 31 января 1925 года случилось непоправимое — я узнала, что любимый мне изменяет, застигла их с поличным. Как он мог?! В годовщину нашей первой встречи, да ещё и за несколько дней до объявления помолвки?! Тут уж нервы мои сдали, в глазах как потемнело. Я ничего не помню до того момента, когда у подъезда завывала сирена. Только тогда я увидела, что сижу рядом с трупами вся в крови. Я и не пыталась бежать от милиции — незачем, да и могла ли я тогда что-то предпринимать?

Да, никак не ждала я такого финала. 12 июня 1925 года решением Ленинградского горсуда я была приговорена к расстрелу. Я жду его со дня на день и каждый раз, заслышав в коридоре шаги, в страхе съёживаюсь: не за мной ли идут?

Елизавета Гродская

Никогда. Никогда даже злейшему врагу не пожелала бы пережить то, что пережила я. Я вспоминаю выпуск из института и последующую свадьбу с князем Волховницким, как что-то яркое, запоминающееся, то, что я не забуду никогда. Теперь же воспоминания об ушедшем вызывают у меня лишь безудержные слёзы.

Когда началась война, бабушка вся испереживалась. В начале 1915 сердце её не выдержало — всё говорила «как там наши ребята в осаде...» Если честно, я рада, что она не увидела всего этого кошмара.

Новость о революции застала меня в пути. Я не на шутку перепугалась и соскочила на первой же станции, не желая показываться в городе, где меня хорошо знают и могут сдать. С мужем с тех пор потеряли связь. Жив ли — не знаю. Дай бог, чтобы всё у него было в порядке. А я осталась совершенно одна. Пальто быстро износилось, я напоминала бедную крестьянку. Кто бы узнал графиню Ло? Даже мой покойный папа и тот бы не признал. Я нашла приют у крестьянской семьи, таскала дрова из леса. Голод не щадил никого, я слабела, падала в голодные обмороки, стоило попробовать похожий на глину хлеб, желудок скручивало от сильной боли. Потом ворвались белые...

Мы уходили пешком обобранные до нитки. Красные вот-вот прорвутся, и вряд ли будут вести себя лучше. Нас пугали байками о свирепых палачах — латышах. «Не ищи палача, а ищи латыша» — говорили в то время. Я добралась почти до Тулы, где у станции меня остановил патруль.

— Документы! — потребовал командир.

— Сгорели, — от голода и усталости я еле ворочала языком.

Тогда меня и отвели в управление ЧК. Допрашивавший меня чекист носил эспаньолку и обладал суровым ледяным взглядом. Я задрожала: неужто сам Дзержинский? Оказалось, просто похож.

— Ваша фамилия?

— Волхо... — я прикусила язык, опасаясь проболтаться.

— Как? Волкова? — переспросил он, очевидно ослышавшись.

— Волкова, да, — ответила я, а у самой как гора с плеч свалилась.

Вот, что такое «наша недоработка». Отдельное спасибо тугому уху чекиста и нерасторопности компетентных органов, в суматохе забывших проверить моё досье. Так и живу я, как гражданка Волкова. Это кошмарное время я хочу забыть, как страшный сон. В двадцать первом большевики отнюдь не бездействовали. Нансен, Воровский, Калинин мотались туда-сюда, искали средств к спасению голодающих. Памятник им! Скажу без всякой иронии: памятник! И вот, худо-бедно наладили торговлю, собрали скудный, но урожай, и наконец, обрели человеческое лицо. Отец, бабушка, если вы

смотрите на меня с неба, знайте: ваша Ло жива и всё у неё хорошо. Мне давно не жалко погибшей или конфискованной собственности, главное, что я жива и здорова.

Шура (Мотылёк)

До сих пор я ночами тайно молюсь и благодарю судьбу за благосклонность ко мне. То, что меня не убили, не посадили в тюрьму, не сослали в Сибирь, я считаю настоящим подарком судьбы. Папа считал, что я попаду в беду в Петрограде. Он как в воду глядел.

Я не успела даже толком начать учиться и познакомиться с новыми подругами, как случилась революция. К Мальковским скоро нагрянули. Всех до одного выселяли, имущество описывали. Как это тогда мимо меня прошло? Наверное внезапный приезд моего дорогого Жени спас меня. Я пришла уже когда обыск завершился, и тут меня поймал человек в кожанке. Солидный вид, благородные черты лица, а в душе — мерзавец. Тут как будто все худшие черты характера людей вылезли наружу и явили свой звериный оскал.

— Эй, ты что тут делаешь? — спрашивает он, взводя курок.

— Я хочу просто вещи свои взять...

— Ага, буржуйская дочка хотела имущество вернуть? Не получится, милая, не получится — за кражу народной собственности — расстрел на месте.

— Я не дочка Мальковского! — пискнула я. — Я всего лишь служанка!

Придуманная наобум отговорка спасла мне жизнь, правда он не отстал. Посмотрев только в мой паспорт, он увидел, что я вовсе не Мальковская, и возможно, поверил, что я просто служанка, а не родственница. Но не отстал.

— Право на жизнь надо отработать, — приговаривал он, прижимая меня к стене и запуская руки под платье. — Будь хорошей девочкой и я тебя отпущу.

Сопrotивяться я не могла — он был здоровее меня раза в два, как вдруг...

— На пол! — в комнату ворвались латыши и тотчас повалили нас обоих. Да так, что от удара лицом об пол я потеряла сознание.

Оказалось, Женя, оставшийся подождать снаружи, почуял неладное, и как только завидел патруль — мужчин в пальто и чёрных кепках, начал кричать, что в такой-то дом лезут мародёры. Он так натурально изображал волнение и панику, что Латыши даже вопросов не задали. Да, мне расквасили лицо, но это куда лучше, чем перенести надругательство над собой.

Да, если бы не Женя, сколько бы со мной случилось всего... Даже и думать не хочется. Всю дорогу домой я безудержно плакала и благодарила Женю за своё спасение. К тому времени, наш дом превратили в коммуналку, мы все ютились в одной комнате. Все остались живы. Иначе, как чудом, не назову. Смерть друзей, война, аресты... Я видела это собственными глазами. Но теперь, когда всё кончено, я наконец-то смогу доучиться и обрести своё счастье.

Вера/Гальяка Зараева

Я была совсем малышкой, когда меня украли цыгане. Это был самый мучительный период моей жизни, и когда я наконец вернулась домой, к родной тётке, я боялась выйти из дома, спала плохо, суетливо. Ещё долго у меня беспричинно тряслись руки, а потом прошли года, я выросла (даже очень) и зажила обычной жизнью. Иногда я вспоминала моего дорогого Шуру, он же Орля. Как он? Жив ли? Что с ним случилось? Как мы выросли, наши пути разошлись, лишь изредка я получала письма и открытки.

И тут надо же — в войну стали заходить в наши места солдаты на огонёк. Кто по разрешению, кто в патруль, а за кем командир недоглядел. Вижу вдруг — идёт по грунтовке длинный худой парень в шинели. Глаза знакомые. Он на меня вытаращился, и вдруг как крикнул:

— Гальяка, вот так встреча!

Да, это был Шура. С грехом пополам выучился, поменял немало мест работы, а теперь и на войну подался.

— В окопе скукотища, офицеры наши надыбали спирт и хлещут теперь. Австрияк не ждут. А товарищи и говорят «Пошлите в деревню, там девки горячие, как чайник...

Так он говорил, описывая армейский быт. Женат он не был до сих пор, а у меня подрастала дочка. Я и позвала её.

— Гальяка-младшая, — представила я её. — Ей столько же лет, сколько мне было тогда.

После этого я больше своего названного братца не видела. Он погиб, попав в плен к мадярам. Эти были особенно жестоки, просто звери. А потом... Потом мы бежали, три года я жила в Одессе, потом немцы стали наступать, и я опять бежала. Снова и снова я кочевала туда-сюда. Голод не щадил никого, всюду аресты, война, бандитизм. Этому не видно конца и края. «Придётся или воровать, или просить подаяние», — с горечью думала я.

Но всё закончилось. Семилетнее испытание войной и голодом мы выдержали. Сейчас моя дочка повзрослела, я надеюсь, ей не доведётся пережить всего того, что пережила когда-то я.

Лиза (Лизочкино счастье)

С того памятного дня, как я очутилась в театре Сатиных, прошло много лет. Я уже совсем взрослой тётёй стала. Сроднилась со сценой — не то слово. Но я всё равно мечтаю однажды попасть в кино. Когда я впервые увидела на экране Веру Холодную, я была поражена — какой артистизм, какой талант! Я непременно хотела стать такой же.

Я старалась избегать темы революций. Я просто актриса, я далека от всей этой суеты. Я быстро для себя усвоила, что надо быть тихоней, иначе ляпнешь что — не взыщи. Большевики шутить не любят и не умеют.

Нас с мамой «пролетарское» происхождение здорово спасло. Особняк, где она работала, конфисковали. Теперь там коммуналка, она по старой привычке и свою комнату убирает, и коридор. С соседями ладит, не жалуется. А нам в театр дали нового «папу» — товарища Луначарского. Он у нас теперь главный по таким вопросам.

— Наркомат, нарком, наркопрос... Что за птичий язык?! — говорили у нас.

А Луначарский иногда наносил нам визиты. Произносил сногшибательные напустенные речи, говорил о развитии культуры в социалистическом отечестве... Демагог, одним словом. Нам бы все вопросы Дзержинскому дать решать — этот говорит мало и по делу, чего нам всякого пустомелю слушать?

Глядя на то, как изменились люди, я в душе радуюсь, что осталась прежней. Не дай Бог снова весь этот кошмар пережить! А всё-таки, попаду я в кино! Пусть уже в почтенном возрасте, но кто сказал, что это невозможно?

Надежда Таирова

Никакая сказка не выдерживает столкновения с жестокой реальностью. Это я поняла в 1917. Я, недоучившаяся в институте благородных девиц, испытывая настоящий позор за себя, мечтала, что скоро наступят лучшие времена. Брат ушёл на войну, вернулся совсем другим человеком. Вместе с товарищами он громил вокзал, напивался в рюмочной до беспамятства. А потом случился Октябрь.

Я приняла революцию с огромным воодушевлением, искренне верила в идеалы марксизма и в счастливое будущее. Я, конечно, сейчас живу вполне сносно, но что я перенесла за эти годы... Серёжа ожидаемо подался в Красную Армию, был энергичным воякой, но потом в нём разыгралась какая-то детская зависть: «Если все делают, то почему мне нельзя»? Он настолько ослеп в своих амбициях, что и не заметил, как из солдата превратился в обыкновенного бандита — грабил всех и вся без разбора. До поры на это закрывали глаза, пока он не попал в Царицын. Стратегически важный город требовал от обороняющих железной дисциплины. О свирепом комиссаре Сталине давно ходили тревожные слухи. Чуть что ему кажется подозрительным — он тотчас приказывает расстрелять. Вскоре за пьянство и неподобающее для комроты поведение Серёжа был расстрелян. Перед строем, в назидание остальным.

В тот момент я почувствовала, что ничего сказочного в этой войне нет, что в любой момент убить могут меня саму, моих друзей, родственников. Тётя так и не оправилась от такого известия. Её подкосил тиф. С тех пор я мечтала только об одном: чтобы война кончилась, чтобы я могла спокойно жить и работать. И вот, настали новые времена. НЭП, продналог. Какой же душой я была! Я и подумать не могла, какое это счастье быть сытой и не изнывать от боли в дёснах, которые натирала черствеющие корки! Я потеряла почти всех близких мне людей. Вот, как реальность наказала меня за безграничную веру в сказки.

Будь у меня возможность вернуться в прошлое, что бы я сделала? Наверное, как и многие, пыталась бы предотвратить всю эту кровавую кашу. Но уже поздно о чём-то сожалеть. Разве что о том, что не жила иначе. Наверное потому я была в числе тех, кто в 1924 пришёл на похороны Ленина — отдать дань уважения Великому Вождю. Он в какой-то степени тоже верил в сказки, строил свой собственный мир. Это был человек невероятно сильной воли, в какой-то мере я ему завидую.

Анна Вербина

Будь проклята эта революция! Из-за неё я лишилась всего, что у меня было! Я спокойно жила со своим новым мужем, у меня родилось двое детей. Казалось, всё для того, чтобы безмятежно и счастливо жить. Мой муж, тот самый, что на горячую голову вколол мне лошадиную дозу препарата, чем спас мне жизнь, как оказалось, только отсрочил мою ещё более кошмарную участь.

Как наступил восемнадцатый, моя тётя со своей семьёй оказалась выброшена на улицу. Всю собственность конфисковали. Они оказались на положении бездомных. Тётя в скором времени насмерть замёрзла на улице. Она потеряла сознание у рабочих бараков, да там и осталась лежать. Когда случайно на неё наткнулись, оказалось, крысы уже поели тело. Похоронили её где-то в общей могиле, рядом с прочими бедолагами, подкошенными тифом и голодом. А я осталась в Сибири. Мой муж сперва был в армии Колчака, а потом попал в плен и перешёл на сторону красных. Но прослужил в новой армии меньше полугода — скоро его схватили дутовцы и буквально разорвали, заколов штыками пленных. «Надеюсь, он умер быстро», — думала я, узнав такую страшную новость.

За это я всем сердцем возненавидела и красных, и белых. «Туда вам и дорога, собаки!» — думала я, узнавая новости о расстреле Колчака и операции по убийству Дутова. Но судьба будто решила отыграться на мне по полной. С перерывом всего в месяц мои дети разболелись. Как ни билась я, мои медицинские знания не могли им помочь. Не было для меня более тяжкого удара, чем-то, как умирали дети у меня на руках. Я молила о смерти, я хотела лечь в могилу рядом с теми, кто мне дорог и кого со мной нет. Я осталась совсем одна. Теперь я чахну на глазах. Война и голод отняли у меня все силы. Я постоянно болею, а вчера обнаружила на своём платке два жирных кровавых пятна, как прокашлялась. Кажется, уже близко...

Нина Израил-заде (Вторая Нина)

С тех самых пор, как я стала обитательницей Джаваховского гнезда, я не знала нужды ни в чём. Я много слышала о прежней обитательнице, её тоже звали Нина, Люда, моя гувернантка и хорошая подруга, много рассказывала о ней. И я хотела быть похожей на свою предшественницу. Я даже в том же институте училась. Жизнь моя была беспечна и блаженна.

Но когда-нибудь светлая полоса кончается. Наступили тяжёлые дни войны. На Кавказе процветали бандитизм и грабежи, особенно жестоки были горцы Северного Кавказа. Остановить их было некому, все стремились урвать свой куш. Слава Богам, мы отстояли свою страну, не пустив ни красных, ни белых. Да и Ленин одним росчерком пера подтвердил отказ от претензий на Грузию. Но если бы только он всё решал...

В 1920 году мне казалось, что над нами, подобно алчному коршуну, кружит Орджоникидзе. Советы противились идее вторжения, но Орджоникидзе не сдавался. Я с замиранием сердца следила за ходом событий. Троцкий и Сталин «ЗА»... Это звучало, как приговор.

Тихим февральским утром ничто не предвещало беды. Меня разбудили выстрелы. На улицах — крики, ругань, стрельба. Причём я отчётливо слышала грузинскую речь. К нам в дом ворвались четверо. Командовал ими здоровенный мужчина средних лет, с виду простоватый, казалось, с умысла и мухи не обидит, а за ним — юнцы, вчерашние гимназисты. Я не успела ничего предпринять, как командир схватил меня и, глядя в лицо, с усмешкой произнёс:

— А ты красивая. Замужем?

— А может, женимся? — рассмеялся кто-то из позади стоящих.

— В очередь, дурень! — крикнул тогда командир, крепче сдавливая мне горло, чтоб я не могла сопротивляться. — Не расстраивайся, красавица, — говорил он, разрывая на мне одежду. — Право победителя, никуда от этого не денешься.

Не хочу вспоминать, что они со мной творили. Они вели себя, как псы, спущенные с цепи. Я чувствовала себя раздавленной, убитой. Мне не хочется больше жить. Вот так в один миг всё рушится. Я вставляю в барабан один единственный патрон. Секунда — и всё будет кончено.

Ия Басланова

Говорят, если однажды обманул смерть, будешь жить вечно. Кто знает, кто знает. Но у меня именно такое ощущение и сложилось с тех пор, как едва не умерла во время сдачи крови. Иногда я воспринимаю всё, как дурной сон. Я смотрю на себя повзрослевшую, на свою состарившуюся мать, на некоторых друзей, и ощущение, что ничего не изменилось. Разве что мама теперь жалуется на больные суставы, давно уже она от ревматизма страдает.

А тогда, в восемнадцатом, я с упоением бросилась в пучину революционной деятельности. Я быстро смекнула, что с оружием в руках я хотя бы смогу защититься. Было ли мне страшно? Было. Страшнее всего, когда русские стреляют в русских. От врага нет столько бед, сколько от своего же собрата.

А я пошла в милицию. Женщин активно привлекали для охраны порядка, мужчин-то нет — все на войне, да и если вспомнить, как бесчинствовали опьяневшие от безнаказанности матросы и дезертиры, то совсем неудивительно, что красные гражданским доверили это дело.

Я же стала на себя непохожа. Поневоле я стала копировать манеры ополченцев и солдат. Кто бы теперь узнал прежде сдержанную и спокойную Ию? Раньше я считала непозволительным ругаться матом, а тогда я чуть ли не разговаривала им. Заодно много новых слов для себя уяснила. Наверное, комично смотрелось: девчонка в крестьянской одежде — пальто, ботинках, красной косынке, с папиросой в зубах и с винтовкой на спине.

Наверное, и не заметила бы я, как изменилась, если бы не наведальась к себе домой однажды. Наша усадьба была дважды разорена, утвари половины нет. Мама с сестрой голодные, оборванные. И тут, как по заказу, Катька устроила мне сцену, мол из-за «них», мы теперь бедствуем, а я, стало быть, предала семью в таком положении.

— Заткнись, дура! — крикнула я, схватившись за наган. — Тебя за такие слова сразу к стенке поставят!

— Ия, не смей! — мама, несмотря на ревматизм, быстро вбежала в комнату и загородила мою сестру собой. — Убери пистолет немедленно! — кричала мама. — Ты что же, убить нас хочешь?

Мама долго читала мне нотации, что нельзя с родными людьми разговаривать наганом, что не женское это дело — война. При том она вспоминала, как мы раньше жили, какой я была в детстве, и какие планы мы строили на жизнь. Всё внутри меня перемешалось. Мама, уже не боясь меня, подошла и медленно опустила ту руку, в которой я сжимала наган. В этот момент меня пронизал ужас — я чуть не убила родную сестру! Сами собой пальцы задеревенели и я выронила оружие из рук. Я словно очнулась от хмельного дурмана. Вспомнила, как ради семьи покидала родные места, искала работу, как вернулась домой... Всё перемешалось, я поняла, насколько я отдалилась от матери и сестры.

Однако я ничуть не жалею о прошлом. С оружием я могла постоять за себя и не бояться всяких мерзавцев. Долго я отходила от всех этих впечатлений, может наша глухомань помогла. Теперь из всех «старых» привычек у меня осталось только курение.

Сибирочка

Кто бы мог подумать, что во взрослом возрасте я опять вернусь в Сибирь? Только теперь в совершенно ином статусе.

В конце 1917 года к нам нагрянули с обыском. Мы со сводной сестрой спрятались, а отец пытался сопротивляться, но он не знал ещё, что это за люди. Я слышала сперва крики, ругань, затем — выстрел и звук чего-то тяжёлого, падающего на пол. Я чуть не вскрикнула, но крик комом застрял у меня в горле. От страха я оцепенела и не могла бежать. Я видела, как в гостиную вошла дама в кожанке. Она совершенно спокойно вытерла влажной тряпочкой свои пальцы, заляпанные кровью и крикнула:

— Чего стоите? Начинайте обыск!

Меня не покидало ощущение, что где-то я её уже видела. И манеры отточенные, как у гувернантки или «синявки». Я ещё больше оцепенела, увидев её глаза. Этот фанатичный холодный взгляд мне не забыть никогда. Лишь сестра буквально вырвала меня с места и потащила, куда глаза глядят.

Жуткое зрелище — всюду расхристанные, пьяные матросы и солдаты, на улицах грабежи, со стен смотрят агитационные плакаты. Мы стремились убраться подальше от всего этого ужаса. Столица приняла на себя главный удар революции. Мы же оказались на положении бродячих собак. Есть было нечего, подвоза не было, урожая — и подавно. Мы рылись в помойках в поисках хоть чего-то, что можно было съесть, хватали даже птиц. От такой пищи в скором времени моя сводная сестра тяжело заболела и умерла. Я же кое-как выбралась из Питера. Долго я шаталась по ночлежкам, и вскоре стала напоминать обычную нищенку. В старые времена страшно даже представить: княжна стоит с протянутой рукой и готова даже тело отдать за еду. Но увы, этот кошмарный сон стал и моей реальностью. Вши и прочие паразиты стали моими верными спутниками. Когда я ночевала в бараках, я слышала, как в углу копошатся крысы, а в старых тюфяках резвились клопы. Казалось, на мне не осталось живого места.

Вскоре оказалось, что я не единственная особа знатного происхождения, выброшенная на улицу. Много «бывших» обнищало из тех, кто не эмигрировал. А у меня пропала всякая охота жить. Опостылело мне стоять с протянутой рукой, самоуверенные типчики, пользующиеся моим отчаянным положением, объедки и прочие «прелести» нищенской жизни.

В конце концов, я уже просто стала красть всё, что плохо лежит. Но воровать я толком не умела и однажды закономерно попалась. Вот так я, по приговору суда, и вернулась туда, где прошло моё раннее детство. Суд отмерил мне три года, по моим расчётам, на волю я попаду 8 апреля 1926 года. Правда не представляю, как я буду жить дальше и главное, ради чего.

Примечание к части

Пока всё. Если есть ещё кандидатуры, пишите в комментариях. я вроде по всем известным прошлась

*- аллюзия на вторую главу